

Константин Стешик

Кратковременная

По мотивам фотодневника Филлипа Толедано

ОТЕЦ. Марк? Марк? Где мама, Марк?

МАРК. Папа. Мама умерла.

ОТЕЦ. Как? Как умерла? Подожди, ты что-то путаешь.

МАРК. Папа, мы только что вернулись с похорон мамы. Мама умерла.

ОТЕЦ. Как умерла? Какие похороны? Я не помню никаких похорон.

МАРК. Конечно, не помнишь, папа. У тебя проблемы с кратковременной памятью.

ОТЕЦ. У меня нет никаких проблем. Я прекрасно помню, как сегодня утром пролил себе на брюки кофе, и мы вызывали скорую. Я прекрасно помню. Я даже помню, в каком свитере ты был, когда набирал номер скорой на своём мобильном.

МАРК. Папа, последний раз мы вызывали скорую две недели назад.

ОТЕЦ. Марк, а почему мама так долго не приходит? Пошла в магазин, и вот уже несколько часов её нет. Может, позвонить в полицию, — а, Марк?

МАРК. Если хочешь — звони.

ОТЕЦ. Марк, ты же прекрасно знаешь, что мне трудно с телефоном. Сейчас такие сложные номера, так много кнопок нужно нажать, чтобы... Марк, а где мама?

МАРК. Умерла.

ОТЕЦ. Как?.. Как — умерла? Когда?

МАРК. Два дня назад, папа.

ОТЕЦ. Это ужасно... А что с ней случилось?

МАРК. С ней случился рак.

ОТЕЦ. Погоди, погоди... Она в больнице?

МАРК. Она в могиле, папа. Мы с тобой похоронили маму — вот буквально только что, часа не прошло.

ОТЕЦ. Марк, сынок, такими вещами не шутят. Я очень хорошо помню, как приезжала скорая, потому что я обжёгся, а на тебе был такой синий свитер с оленями, когда ты набирал номер... Или это за мамой скорая приезжала? Марк, скорая приезжала за мамой?

МАРК. Нет. Скорая сегодня вообще не приезжала. Сегодня приезжал катафалк, и не сюда, а сразу на кладбище.

ОТЕЦ. А я уж было решил, что это так сейчас принято — возить гробы на скорой помощи. Вот, думаю, ерунда какая! Наверное, я это по телевизору видел. Да, точно. Да. А кто умер, Марк? Ты говорил, кто-то умер?

МАРК. Папа, перестань меня мучить.

ОТЕЦ. Ненавижу, когда ты так со мной разговариваешь. Ненавижу.

МАРК. Папа, я же сказал тебе — наша мама умерла. Понимаешь? Наша мама.

ОТЕЦ. Как?? Как умерла? Я буквально пару часов назад с ней разговаривал...

МАРК. Не мог ты с ней разговаривать. Хотя... В принципе, мог, но ты не разговаривал.

ОТЕЦ. Почему? Я прекрасно помню, как приезжала скорая, потому что я обжёгся, а мама мне лёд прямо на яйца высыпала, взяла из холодильника и прямо вот так высыпала. Я сказал ей — какая же ты дура, дорогая, но всё равно — спасибо тебе. Ты испугала меня больше, чем этот вонючий кофе, но всё равно — спасибо... Послушай, милая, а где Марк? Он же не уехал на скорой в больницу? Или мне показалось, что уехал... Марк! Где Марк? Дорогая, ты не видела Марка?

МАРК. Он умер.

ОТЕЦ. Как?? Как умер? От чего умер?

МАРК. Его задолбал собственный отец.

ОТЕЦ. Александр, это ты?

МАРК. Да, папа, это я.

ОТЕЦ. А где Марк? Где мама?

МАРК. Они умерли. Их только что отвезли на кладбище. В одном гробу на двоих. В таком широком, ну, знаешь, как будто коляска для близнецов, но только гроб.

ОТЕЦ. Это ужасно... У меня просто нет слов. Надо срочно звонить в полицию. Марк, позвони в полицию, скажи, что пропала наша Лизи. Я не могу без Лизи. Мне плохо без Лизи.

МАРК. Папа, Лизи сдохла шесть лет назад.

ОТЕЦ. Как??

МАРК. Да вот так. От старости.

ОТЕЦ. Я не помню. Хотя у меня очень хорошая память. Ты ведь знаешь, Марк, у меня всегда была хорошая память, просто отличная.

МАРК. Была.

ОТЕЦ. Я помню все мелочи. Я даже помню, сколько оленей на твоём синем свитере.

МАРК. Ну и?

ОТЕЦ. Двенадцать.

МАРК. Я не считал.

ОТЕЦ. Ну и зря, Александр. Ты не развиваешь свою память, а это очень плохо. Знаешь, что бывает в старости с теми, кто не развивает свою память?

МАРК. Знаю.

ОТЕЦ. Откуда?

МАРК. Наблюдаю такого человека каждый божий день. Хотя он и развивал свою память. Или только говорил, что развивал. Не важно.

ОТЕЦ. И кто это?

МАРК. Ты.

ОТЕЦ. Я? Я? Ха!

МАРК. Вот тебе и ха.

ОТЕЦ. Зря смеёшься. Я помню каждую мелочь. Я даже помню, сколько оленей на твоём синем свитере. Как ты думаешь — сколько?

МАРК. Двенадцать.

ОТЕЦ. Откуда ты знаешь?

МАРК. Специально посчитал и записал себе в блокнот, чтобы учить по ночам, если вдруг не спится.

ОТЕЦ. У тебя проблемы со сном?

МАРК. Да.

ОТЕЦ. Плохо. А ты не пробовал разобраться — почему?

МАРК. Пробовал.

ОТЕЦ. И что? Получилось?

МАРК. Вполне.

ОТЕЦ. Ну и какова же причина?

МАРК. Ты.

ОТЕЦ. Я? Почему — я?

МАРК. Потому что ты встаёшь среди ночи и ходишь в полной темноте по квартире, а я всё боюсь, что ты споткнёшься и сломаешь себе шейку бедра.

ОТЕЦ. Надо включать ночник.

МАРК. Пробовал.

ОТЕЦ. Не помогает?

МАРК. Нет.

ОТЕЦ. Почему?

МАРК. Потому что ты его выключаешь. По привычке.

ОТЕЦ. Ты издеваешься надо мной, Марк. Ты издеваешься над старым, больным отцом, обвиняя его бог знает в каких грехах, а всё потому, что я уже не тот, каким был лет двадцать назад, и не могу тебе ответить — в смысле, физически не могу ответить, силой, а следовало бы...

МАРК. Ты хотел сказать — лет тридцать назад.

ОТЕЦ. Почему — тридцать?

МАРК. Потому что тебе — девяносто восемь.

ОТЕЦ. Ненавижу, когда ты так говоришь. Просто ненавижу. Ты выводил меня из себя. Если бы не мать, я бы тебя... А где, кстати, мама?

МАРК. Лежит на кладбище.

ОТЕЦ. Как?? Что ты такое говоришь?

МАРК. Папа, наша мама умерла два дня назад. Сегодня были похороны. Мы с тобой почти только что вернулись с похорон.

ОТЕЦ. Это ужасно... Это просто невыносимо. (Плачет)

МАРК. Да. Я знаю.

ОТЕЦ. Как это случилось? Почему я не помню? Почему именно я этого не помню?

МАРК. Потому что у тебя проблемы с кратковременной памятью.

ОТЕЦ. А как же я теперь?..

МАРК. Ты-то как обычно. Вот как я — это вопрос.

ОТЕЦ. А что с тобой? Что случилось?

МАРК. Со мной случился ты, папа.

ОТЕЦ. Марк, ну зачем ты так говоришь?

МАРК. Потому что так и есть. Сначала, давно, я был у тебя, а теперь — ты у меня. Как будто бы сын.

ОТЕЦ. Почему — сын? Какой сын?

МАРК. К сожалению, старый и больной. Мне страшно, папа.

ОТЕЦ. Почему, Марк?

МАРК. Потому что мама справлялась с тобой, а я не справлюсь. Боюсь, что не справлюсь, а это одно и то же.

ОТЕЦ. А что со мной не так?

МАРК. С тобой не так буквально всё.

ОТЕЦ. Ненавижу, когда ты так говоришь. Ненавижу.

МАРК. Я теперь боюсь даже в туалет идти, потому что ты можешь вот прямо так, без ничего,

выйти на улицу и элементарно попасть под машину. Нас теперь с тобой связывает куда более крепкая пуповина, чем та, которая...

ОТЕЦ. Ты на меня наговариваешь, Марк. Ты знаешь, что я не могу тебе ответить, потому что я уже не тот, мне уже восемьдесят восемь...

МАРК. Девяносто восемь. Девяносто.

ОТЕЦ. Не важно. Всё, что ты говоришь, — неправда и гадость. Где Александр? Позови брата, пусть он посидит со мной. Не хочу тебя видеть. Где Александр?

МАРК. Александр в Америке, папа. Уже восемь лет. Он даже на похороны не смог приехать.

ОТЕЦ. На какие похороны? Когда? Кто-то умер? Мама мне ничего не говорила... А где, кстати, мама?

МАРК. Мама умерла два дня назад. Ты понимаешь, папа, что мама умерла? Понимаешь?

ОТЕЦ. Как?? Как — умерла?? Как же так, я ведь только сегодня утром с ней разговаривал... А где Лизи? Мне нужна Лизи. Принеси Лизи, Марк.

МАРК. Лизи тоже умерла.

ОТЕЦ. Почему — тоже? Кто ещё умер?

МАРК. Мы с тобой умерли, папа. Возьми свой блокнот и запиши — «Сегодня умерли Марк и его отец, Виктор».

ОТЕЦ. Ты всё шутишь, Александр. Бери пример с Марка, Марк не такой, прости господи, долбоёб, как ты. Учится, работает.

МАРК. Папа, прекрати ругаться. Это отвратительно.

ОТЕЦ. Ты всегда был ханжой, Александр. Из тебя бы получился отличный священник. А вышел пшик. Ноль, говно на палочке. Ни образования, ни работы. Одни фильмы на уме.

МАРК. Папа, это я, Марк.

ОТЕЦ. Да? А где Александр?

МАРК. Александр в Америке, папа. Уже восемь лет.

ОТЕЦ. Да? И что он там делает?

МАРК. Понятия не имею. Я думаю, работает на стройке. Или спился.

ОТЕЦ. Как жаль. Старший сын, а ничего из него не вышло. Пшик. Ноль.

МАРК. Да, да, говно на палочке.

ОТЕЦ. Точно. Так обидно. Жизнь проходит, а ты вот так вот сидишь и понимаешь, что так и не смог поставить своих детей на ноги. И каждую минуту тебе горько, и всё горше и горше. Всё наоборот, всё неправильно. Как будто задом наперёд кино показывают. Человек к старости должен становиться всё светлее, обрастать внуками, а у меня внутри — одна темнота, и ни одного внука рядом. Кто подаст мне мой яичный коктейль? Разве ты, Марк, подашь? Ты-то подашь, но как ты подашь? Разве ты подашь его так, как должен внук подавать?

МАРК. А как должен внук подавать?

ОТЕЦ. С уважением и трепетом. С уважением и трепетом, понимаешь? Потому что ребёнок — он ведь не дурак, он же видит, что перед ним, как в зеркале, другой конец его жизни, другой берег, — отсюда и трепет, отсюда и уважение. А сын разве меня уважает? Нет. Ни один, ни второй. Потому что сын меня в одних трусах видел, а стыд и уважение не совместимы.

МАРК. А ты разве не уважал собственного отца?

ОТЕЦ. Уважал. Но ты учитывай, какие тогда времена были. Я же своего отца не видел почти, потому и уважал, потому и трепет был вот тут, в груди прямо. Ты учитывай времена. Для меня отец был событием, а для тебя отец — обыденность. А разве уважают обыденность? А без уважения про яичный коктейль можно забыть. Да, кстати, где мой яичный коктейль? Мама должна была сделать мне яичный коктейль. Уже три часа. Где мама? В магазине?

МАРК. Да. Скоро вернётся.

ОТЕЦ. А. Хорошо. А то я помню, что приезжала скорая, а к кому... Вот я и испугался, а вдруг с нашей мамой что-нибудь случилось? С нашей мамой ничего не случилось?

МАРК. Нет, папа, с нашей мамой всё хорошо. Она пошла в магазин. Скоро вернётся.

ОТЕЦ. Это хорошо. Марк?

МАРК. Да, папа.

ОТЕЦ. Марк, сделай мне мой яичный коктейль. Уже три часа, мне пора пить мой яичный коктейль.

МАРК. Папа, я не знаю, как его делать. Я никогда не делал. Всегда мама делала. А теперь... я даже и не знаю, как нам быть с твоим коктейлем.

ОТЕЦ. Так позови маму, пусть она сделает.

МАРК. Папа. Мама умерла, понимаешь? Нет её больше.

ОТЕЦ. А где она?

МАРК. Умерла.

ОТЕЦ. Как??!

МАРК. Просто. Перестала дышать и всё. Запиши себе в свой блокнот — «Мама умерла», и положи его к себе на колени. Как только захочешь спросить, где мама — смотри в блокнот.

ОТЕЦ. Как же так... (Плачет) Как же так... Я не помню. Почему я не помню? У меня ведь отличная память! Марк, я не помню. Я помню скорую...

МАРК. Папа.

ОТЕЦ. Марк!

МАРК. Да, папа.

ОТЕЦ. Марк! Не уходи, Марк. Мне так страшно одному, Марк...

МАРК. Не уйду, папа.

Занавес.

5 ноября 2008 года.